

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЕ МОНГОЛОВЕДНЫЕ ЧТЕНИЯ

научная конференция

посвященная

*ведущим российским монголоведам, юбилярам 2017 года: М. И. Гольману (90 лет),
К. Н. Яцковской (90 лет), В. В. Грайворонскому (80 лет), Л. Г. Скородумовой (70 лет).*

27 сентября 2017 г.

Санкт-Петербург

ПРОГРАММА
ТЕЗИСЫ

Санкт-Петербург

2017

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of Oriental Manuscripts

Research conference
ST. PETERSBURG SEMINAR ON MONGOLIAN STUDIES
September 27, 2017
St. Petersburg, Russia

PROGRAMME
ABSTRACTS

Оргкомитет конференции

Председатель Оргкомитета:

доктор исторических наук, директор ИВР РАН

И.Ф. Попова

Сопредседатели Оргкомитета:

кандидат филологических наук, профессор,

директор ИЯиЛ МАН

доктор филологических наук

Г. Билгүүдэй

И.В. Кульганек

Секретарь Оргкомитета:

Д.А. Носов

Члены оргкомитета:

доктор исторических наук

кандидат филологических наук

кандидат филологических наук

PhD

Т.Д. Скрынникова

Н.С. Яхонтова

А.А. Туранская

Н.В. Ямпольская

Организаторы: Институт восточных рукописей РАН, Институт языка и литературы АН Монголии.

При участии: Санкт-Петербургского государственного университета, Государственного Эрмитажа.

РАСПИСАНИЕ КОНФЕРЕНЦИИ

Открытие конференции состоится в каб. 146 «Кабинет изучения Лотосовой Сутры»

ИВР РАН

Заседания будут проходить в каб. 146 «Кабинет изучения Лотосовой Сутры» ИВР РАН

Санкт-Петербург, Новомихайловский дворец (Дворцовая наб., д. 18)

27 сентября, среда

10.00–10.30 – Открытие конференции.

10.30-12.00 - Утреннее заседание

12.00–12.20 – Кофе-брейк

12.20–14.30 – Продолжение заседания

14.30–15.30 – Перерыв на обед

15.30–16.45 – Дневное заседание

16.45–17.15 – Кофе-брейк

17.15–18.30 – Продолжение заседания

Продолжительность доклада с обсуждением – 15 мин.

ПРОГРАММА КОНФЕРЕНЦИИ

27 сентября, среда

10.00-10.30 – Открытие конференции.

Приветствие в адрес конференции – директор ИВР РАН И.Ф. Попова

Приветствие в адрес конференции – директор ИЯиЛ МАН Г. Билгүүдэй

Приветствие в адрес конференции – гл. н.с. ИВР РАН И.В. Кульганек

10.30 – 12.00 - Утреннее заседание (каб. 146)

Председатель: Т.И. Юсупова

- Почекаев Р.Ю.* Российские путешественники о правовых реалиях Монголии первой половины XIX в.
- Сабиров Р.Т.* Монголия 1926 - 1927 гг. глазами китайского агента
- Селюнина Д.Д.* Семантика термина *küciin* в монгольских исторических сочинениях XVII в.
- Юсупова Т.И.* Нормативно-правовые основания работы советских ученых в Монголии в 1920-х -1960-х гг.
- Скрынникова Т.Д.* Эволюция концепта *törö* в летописи XIX в.

12.00-12.20 – Кофе-брейк

12.20-14.30 – Продолжение утреннего заседания (каб. 146)

Председатель: Д.А. Носов

- Билгүүдэй Г.* Исследование авантекстовых явлений в «Тайной истории монголов»
- Дайриймаа Б.* Тема мудрости в монгольских сказках
- Елихина Ю.И.* К вопросу о долонорской скульптуре
- Жуков В.Ю.,
Кульганек И.В.* Отзыв О.М. Ковалевского о В.П. Васильеве
- Цеденова С.Н.* К вопросу о поэтике монгольского и калмыцкого рассказа XX в.
- Носов Д.А.* О дате формирования «VI коллекции Жамцарано» в фонде монгольских рукописей и ксилографов ИВР РАН
- Басангова Т.Г.* Эсхатологические мифы калмыков

15.30-16.45 – Дневное заседание (каб. 146)

Председатель: Н.С. Яхонтова

- Бичеев Б.А.* О ранних публикациях письменной и устной версий «Истории Унекер Торлику хана»
- Мөнхсайхан С.* *Орчин цагийн монгол хэлний толь бичгүүдэд хийсэн хэл шинжлэлийн задлан шинжилгээ*
/О результатах лингвистических анализов словарей современного монгольского языка/
- Сизова А.А.* Вновь обнаруженные материалы И. Иерига в Архиве востоковедов ИВР РАН
- Яхонтова Н.С.* Ассоциативные названия чисел в тибетско-монгольских словарях
- Пан Т.А.* Маньчжурско-русский словарь В.П. Васильева

16.45-17.15 – Кофе-брейк

17.15-18.30 – Продолжение дневного заседания (каб. 146)

Председатель: Н.В. Ямпольская

- Алексеев К.В.* О томе *nga* в разделе *Dandira* монгольского Ганджура
- Зорин А.В.* Филиграния XVIII в. на тибетоязычных калмыцких рукописях
- Трегубова Д.Д.* Старописьменный монгольский язык как символ единства бурят
- Туранская А.А.* Колофоны буддийских сочинений Ширегету Гуши Цорджи
- Ямпольская Н.В.* Об интерпретации тибетского выражения *gtan la phab* и его эквивалентах в колофонах буддийских канонических сочинений на монгольском языке

Заккрытие конференции (подведение итогов, принятие резолюции)

Тезисы Abstracts

К.В. Алексеев

О томе *nga* в разделе *Dandira* монгольского Ганджура

Недавние сравнительные исследования монгольского Ганджура показали, что так называемая редакция Лигдэн-хана Чахарского 1628-1629 гг. не столь однородна, как это ранее полагалось учеными.

Одним из существенных различий между ее списками являются состав и структура тома *nga* в разделе *Dandira*. В большинстве списков этот том содержит двадцать сочинений (номера 69-89 по каталогу З. К. Касьяненко). Том *nga* раздела *Dandira* в списке, хранящемся в Национальной библиотеке Монголии (г. Улан-Батор), имеет другой состав и порядок сочинений. Он содержит лишь четыре текста из указанных в каталоге, которые расположены в следующем порядке: 69, 70, 75 и 73. При этом они представляют собой другие версии переводов указанных сочинений. Согласно колофонам, переводчиком этих текстов в составе улан-баторского списка был Эрдэни Хонджин.

Помимо этих четырех текстов том *nga* раздела *Dandira* в улан-баторском списке содержит восемь сочинений, которые есть только в ксилографическом издании монгольского Ганджура. Это номера 71-75, 77 и 83 по каталогу Л. Лигети.

Анализ сохранившихся фрагментов тома *nga* раздела *Dandira* двух монгольских Ганджуров, хранящихся в рукописном фонде ИВР РАН показал, что, вероятно, они имели те же состав и структуру, что и аналогичный том в улан-баторском списке. Вкупе с другими отличиями между списками Ганджура это дает возможность предположить наличие особой версии внутри редакции Лигдэн-хана, обладавшей рядом структурных особенностей.

Т.Г. Басангова

Эсхатологические мифы калмыков

Эсхатологические мифы (от древнегреческого *εσχατος* – последний), мифы о предстоящем конце мира. В противоположность большей части мифов, повествующих о важнейших событиях прошлого – времени мифологического, эсхатологические мифы содержат пророчества о будущем конце света, допускают возможность мировых катастроф. Мифы о конце света в фольклорной традиции связаны с предсказаниями. Так калмыкам известна рукопись под названием «Книга предсказаний». Записи предсказаний, бытовавших в современной фольклорной традиции относятся к шестидесятым годам, сделаны они этнографом В.П. Дарбаковой от следующих информантов Д.С. Сальмина (1902- 1965), И.Д. Чурюмова (1886 –1981), и А.У. Бурчугинова (1903-1971)¹. По преданию эта книга вылетела из железного столпа в объятья семилетнего мальчика – ойрата, передавшего её одному из мудрецов, который промолвил: «Хотя народ и покинул ойратскую землю, он быстро обретет новую землю, ибо сохранен этот письменный памятник»². По другой версии книга предсказаний вылетела из камня, свалившегося с неба. Как известно, железный столп является одним из символов эсхатологии. Как вспоминает информант Ш.В. Боктаев, рукопись книги предсказаний хранилась у одного

¹Ээлдхл. Составитель В.П. Дарбакова. Элиста, 1995, 155 с.

²Цахан авхан судр. Миңһн бурхдын ээлдхн. (Составитель Дандырова Н.М.). Элиста, 1998, 187 с.

из жителей поселка Сарпа Бадмы Долиева. После приезда из сибирской ссылки и жители этого поселка собирались в одном из домов, при плотно закрытых дверях. Во время чтения книги предсказаний никто не должен был выходить и заходить. По причине старости хранителя эта книга была передана родственнику по мужской линии Кокаеву Николаю, жителю Элисты. Информант Ш.В. Боктаев помнит отрывки этой книги, которые перешли в разряд эсхатологического мифа³. В устном рассказе о книге предсказаний сказитель Ш.В. Боктаев говорит, что ему запомнилась та часть, в которой идет речь о техническом прогрессе. Железная дорога передается как *моһа хаалһ* – букв. змеиная дорога, паровоз носит название *хамр уга темән* - букв.: безносый верблюд, *хала живртә шовун* – букв.: птица с металлическими крыльями. Некоторые предсказания запомнились Боктаеву Ш.В. в виде двустиший.

Хала живртә шовун нисх,	Будет летать птица с металлическими крыльями.
Хамг эмтн түьгиг хэлэх	И люди будут на нее смотреть.
Күзүн уга темән һарх	Появится верблюд без шеи
Кун эмтн түьгиг хэлэх	И все люди будут этому удивляться.

Информант Бадминова А.С. вспоминает о чтении книги мужем ее тети по имени Баслинов Бадма, который воспроизводил предсказания в манере «*чеежәрн келх*», выступая как сказитель⁴. На сеанс сказывания предсказаний собирались представители рода *ики чонос*, так как сказитель Баслиев Бадма был из этого рода. Некоторые из этих предсказаний запечатлелись в памяти А.С.Бадминовой. Прежде всего, это представление о конце света, которое информант относит к началу третьего тысячелетия, люди исчезнут с Земли и это время приближается, вся Земля покроется мглой, люди перестанут ладить меж собой. Как известно, в народном представлении ссылка калмыков в Сибирь воспринималась тоже как конец света, в песнях – плачах, сочиненных по этому трагическому поводу, присутствуют элементы конца света. Оставленные калмыками стада коров, словно почувствовав беду, ревели день и ночь, собаки жалобно выли в поисках хозяев, дома стояли пустыми, степь тоже обезлюдела⁵. Рукопись «Книги предсказаний», по представлениям информантов, обладала охранительной магией, в годы сибирской ссылки она втайне переписывалась многими людьми, а затем хранилась в семьях, обернутая в желтую или красную матерью. В народе бытовало предание об этой книге: у тех людей, кто прочитает или перепишет это сочинение, исчезают все грехи. Если эту книгу украшать и окуривать благовониями, то для такого человека наступает благоденствие. Книгу эту даровал Будда одному человеку, который был перерожденцем божества Арьябала⁶. Узнав, что людям грядут большие тяготы, он передал книгу – «ном». До того как наступит эра Будды Грядущего Майдари⁷ книга предсказаний будет для людей большой опорой. Таким образом, в современной фольклорной традиции устное бытование текстов из книги предсказаний воспринимается как эсхатологический миф.

³Бадминова А.С., 1921 г.р. род ики - чонос. Полевые записи автора, 1998 – 2000 гг.

⁴Полевые записи автора, 2005 г.

⁵ Инф. Борджанова Б.Х., 1925 г.р, запись автора, 2005 г.

⁶ <https://ru.wikipedia.org/wiki/Авалокитешвара>, дата обращения 20.03.2015

⁷ <https://ru.wikipedia.org/wiki/Майдари>, дата обращения 20.03.2015

Исследование авантекстовых явлений в «Тайной истории монголов»

Мы считаем, что содержание параграфов 52 и 57 «Сокровенного сказания монголов» представляет яркий пример *авантекста*. Эти фрагменты повествуют о том, как происходило избрание Хабула- и Хотала-хаганов. Прежде ученые считали, что автор – Хухэдэй-сэцэн, упомянутый в сочинении «Джами ат-Таварих» («Сборник летописей») Рашид ад-дина и Худай-сэцэн, упомянутый в сочинении «Алтан товч» («Золотая история») Лувсанданзана, это один и тот же человек. В рассматриваемых книгах эти два персонажа рассказывали истории и сравнивали десять сыновей Амбагай-хагана с семью сыновьями Хабула-хагана. Но у нас есть основания полагать, что это пример *авантекста*, а историческими прототипами данных персонажей были разные люди.

Б.А. Бичеев

О ранних публикациях письменной и устной версий «Истории Унекер Торлику хана»

В буддийской литературе существуют джатаки (санс. *jātaka*; тиб. *skyes rabs*; ойр. *törliyin üye*) и аваданы (санс. *avādana*, тиб. *mngon rtoqs*), в сказочной форме восхваляющие ценность учения. Сохраняя в своем содержании естественное сочетание поучительности с увлекательным изложением, они выполняли свое главное назначение, – адаптировать в сознании верующих морально-этические нормы буддийского учения. К таким текстам относится известное произведение ойратской литературы «История Унекер Торлику хана» («*Ünekēr Törölkitü sayin xāna tuuji*»).

Основную часть произведения составляет сказочный сюжет, соотносимый с фольклорным типом «злая мачеха». В этом достаточно большом по объему произведении, повествуется о том, как злые силы, привели в упадок процветавшее государство Унекер Торлику хана, вследствие его привязанности к чувственному миру.

По данным, имеющимся в различных каталогах монгольских рукописей, известно о восьми списках этого текста на «ясном письме», хранящихся в России, Монголии и Китая, а также о двадцати вариантах этого произведения в устной форме.

Одна рукопись хранится в Научной библиотеке Восточного факультета СПбГУ (Шифр Calm D7, хул. Q 537). В коллекции Института языка и литературы АН Монголии этот текст значится под названием «*Oyun Čiketü xān köbüüni touji orošiboi*» (№ 293) [Gerelmaa 2005]. Еще два текста «*Ünengker Törölkitü sayin xāni tuuji*» находятся в фонде ойратских рукописей Комитета по делам национальностей СУАР КНР [Galdan 2013].

Четыре рукописи «*Ünekēr Törölkitü xāni tuuji orošibo*», хранятся в рукописном фонде Института восточных рукописей РАН [Сазыкин 1988, № 307-310]. На внутренней стороне верхней обложки рукописи С 33 (инв. № 447) в европейском переплете сохранилась надпись: «Kalmückische Handschrift, enthält die Geschichte der Fürstensohns Coh Tschikitu in vier Büchern. Gekauft im Sommer 1853 (?) vom Pastor emeritus Benjamin Bergmann». Немецкий перевод этого текста под названием «Goh Tschikitu. Eine Religionsurkunde in vier Büchern aus dem Mongolischen» помещен в четвертой книге Б. Бергманна «Nomadische Streifereien unter den Kalmücken in den Jahren 1802 und 1803» [Bergmann 1805].

Известно о двадцати текстах этого произведения в устном изложении. Двенадцать сказок были записаны в разное время в Синьцзяне и восемь в Калмыкии. Самая ранняя

запись (1879 г.) и публикация (1883 г.) устной версии этого произведения под названием «Аю-Чикты хан» была осуществлена Г. Н. Потаниным [Потанин 1883].

«История Унекер Торлику хана» с одной стороны, представляют собой художественное произведение, а с другой – выступает как проповедь, главные установки которой заключены в обрамляющей увлекательный сюжет рамке [Бичеев 2017].

Литература

Бичеев 2017 - Бичеев Б. А. Сотериология буддизма в текстах неканонического содержания («История Царя Унекер Торлику») // Известия Высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. 2017. № 1. С. 9–13.

Потанин 1883 - Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. IV. Материалы этнографические. – СПб., 1883. С. 283–285.

Сазыкин 1988 - Сазыкин А. Г. Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института Востоковедения АН СССР: В 3 т. – М.: Наука, 1988. Т. 1. – 507 с.

Bergmann 1805 - Bergmann B. Nomadische Streifereien unter den Kalmücken in den Jahren 1802 und 1803. Vierter Teil. – Riga, 1805. P. 13–180.

Gerelmaa 2005 - Gerelmaa G. Brief Catalogy of oirat manuscripts kept by Institute of language and literature bu Gerelmaa Guruuchin. – Ulaanbaatar, 2005. – 270 с.

Galdan 2013 - Galdan Do. Ünenker Törölkitü sayin hana-u тууџи орошiba. – Šinjijang-un arada-un keblel-un хoryi-a, 2013. – 296 х.

Б. Дайриймаа

Тема мудрости в монгольских сказках

В сюжетном репертуаре монгольских народных сказок значительное место занимают сказки, главные персонажи которых обладают острым умом и мудростью. Тема мудрости реализуется преимущественно в бытовых сказках и в сказках о животных. В волшебных же сказках герой побеждает своего врага с помощью чудесных предметов и помощников. Иногда помощники присутствуют и в сказках о животных. Главное отличие сказок о животных заключается в том, что в них нет описаний волшебства и чудес. Вот как, например, описываются действия помощника в сказке “Сорока и семь зеленых яиц”. “Хитрая лиса ходит к сороке каждый день и всякий раз получала по зеленому сорочьему яйцу. Наконец в гнезде осталось одно-единственное яйцо. Пригорюнилась сорока, заплакала. Вдруг, откуда ни возьмись выскакивает мышка. - Не отдавай лисе яйцо, - советует мышь. -А станет грозиться осину поломать да пыль столбом пустить, скажи на это: “Где же у тебя рога, чтобы осину поломать? Где же у тебя копыта, чтобы пыль столбом пустить?” Лиса спросит, кто, мол, научил тебя так отвечать, а ты скажи: “Сама думала, думала да и придумала”. С помощью мыши сороке удалось остаться со своим яйцом.

В бытовых сказках реалистическая тема реализуется в сюжетах об испытании ума посредством показа конфликта между ханом и слугой, между братьями, между мачехой и падчерицей и т.д. Большинство сюжетов построено на мотивах мудрых отгадчиков, мудрых советчиков. К таким сказкам можем отнести “Мудрая невестка”, “Три гадалки” и т.п. Образ мудрой невестки тесно связан с мотивом испытания ума. В этих сказках действуют четыре основных персонажа: хан и его глупый сын, мудрая девушка и её отец. Мудрая невеста не только помогает отцу в выполнении трудных задач, но и спасает государство от врага. Она помогает также глупому сыну хана выполнить трудное

отцовское задание, справляется с государственными делами и, в конце концов, сама начинает управлять государством. Мудрая невестка – один из самых поэтических образов монгольской сказки, который можно рассматривать как символ женщин древнего монгольского общества.

Испытание ума в монгольских сказках проявляется в разгадывании скрытого смысла слов и в умении справляться с невыполнимыми заданиями.

В большинстве сказок о животных и в бытовых сказках мотив о хитрости тесно переплетается с мотивом мудрости. Мотив о хитрости бытует в сюжетах авантюрно-новеллистических и комических сказок. Главные герои их изображаются находчивыми, умелыми, ловкими. Бытовые сказки не содержат ни ужасов, ни особого волшебства, зато могут быть наделены ироничностью и комизмом. Например, «Сказка о семи лысых» является ярким примером сказок о хитрости.

В сатирических сказках, ставших вершиной развития бытовой сказки, высмеивается социальная несправедливость. Главными героями таких сказок являются бродячий монах - Бадарчин и бедные слуги. Они обладают острым языком и умом.

Таким образом, народная сказка является источником народной мудрости, прославляющим инициативное действие, активный подвиг, предприимчивый поступок героя.

Ю.И. Елихина

К вопросу о долоннорской скульптуре

Монастырь Шара-сумэ в Долонноре – резиденция джанджа-хутухт, основанный в 1701 г., являлся одним из крупнейших центров по изготовлению буддийской скульптуры. Подчеркивая его значение, О.М. Ковалевский упоминает о нем в своих дневниках. По свидетельству А.М. Позднеева в конце XIX в. там действовало шесть мастерских. Бронзовую пластику мастера делали разных размеров в смешанной технике выколотки и литья в тибето-китайском стиле.

Многие дацаны заказывали скульптуру в Долонноре. Украшения в виде ланей и колеса учения для Санкт-Петербургского дацана тоже изготавливали там. Мастера делали и образы для Янгажинского дацана, который действовал с 1830 по 1938 гг. С 1903 по 1911 гг. его настоятелем служил Даши Доржо Итигэлов.

Два долоннорских образа, Будды и Цзонхавы, были задержаны в 2012 г. при попытке переправить их за рубеж для дальнейшей перепродажи. До середины 1990-х гг. обе скульптуры находились в Иволгинском дацане, а затем пропали при невыясненных обстоятельствах. Уникальность этих скульптур заключается в их сравнительно большом размере (каждая около метра) и нахождении в Янгажинском дацане. Учитывая сколько разных произведений буддийского искусства было утрачено в годы репрессий, сохранение каждого имеет определенную культурную ценность. Именно крупная пластика сохранилась хуже всего. Хотя достаточное количество бронзовой скульптуры среднего размера из Долоннора представлено в коллекциях Эрмитажа, ГИМа, РЭМа, Кунсткамеры и других музеях России и Монголии.

Недавно скульптуры через Министерство культуры были возвращены в Иволгинский дацан, там была проведена специальная пресс-конференция, сейчас решается вопрос об их реставрации.

Отзыв О.М. Ковалевского о В.П. Васильеве⁸

Отзыв российско-польского монголоведа, основателя классического университетского научного монголоведения в России, декана историко-филологического факультета и затем ректора Императорского Казанского университета, почетного члена, действительного члена, члена-корреспондента различных научных обществ и академий наук России и Европы, лауреата Демидовской премии, Осипа Михайловича Ковалевского (1801–1878) о не менее знаменитом его соотечественнике — российском ученом-синологе, буддологе, санскритологе, академике Императорской Санкт-Петербургской академии наук, декане восточного факультета Императорского Санкт-Петербургского университета Василии Павловиче Васильеве (1818–1900), представляет интерес для истории востоковедной науки, как документ, показывающий начальный этап формирования классического монголоведения и китаистики в России, диапазон и уровень изысканий ученых, научные контакты и взаимодействие востоковедов мирового уровня.

О.М. Ковалевский был учителем и наставником В.П. Васильева. Их научные пути схожи. «Отзыв» написан О.М. Ковалевским, как предполагают докладчики, после возвращения В.П. Васильева из Китая и представления им отчета о работе, проводимой там в течение около десяти лет. «Отзыв» является своеобразной рекомендацией О.М. Ковалевского своему ученику для получения им должности ординарного профессора Казанского университета и вскоре — заведующего китайской кафедрой. Через пять лет В.П. Васильеву будет предложена китайская кафедра в Петербургском университете на Факультете восточных языков. О.М. Ковалевский высоко оценивает выполненную в Китае научную работу В.П. Васильевым, замечает, что тот прекрасно справился и со вторым заданием, данным ему Казанским университетом, — с собиранием восточных рукописей и книг. По содержанию и количеству привезенное им книжное собрание можно причислить к богатейшим в Европе. О.М. Ковалевский, полагает, что В.П. Васильев не только оправдал надежды, возлагаемые на него университетом, и блестяще справился с данным ему заданием, но и превзошел ожидания своих учителей. «Отзыв» хранится в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН (АВ ИВР РАН) в личном архиве О.М. Ковалевского (фонд № 29, дело № 27).

А.В. Зорин

Филиграни XVIII века на тибетоязычных калмыцких рукописях

Филиграни XVIII в. - первых лет XIX в. на тибетографичных калмыцких рукописях впервые привлекли мое внимание в связи с исследованием текстов из собрания Саратовского областного краеведческого музея. В ходе изучения связки тибетских листов Tib.970 (шифр ИВР РАН), в основном поступивших из Калмыкии в собрание Санкт-Петербургской АН во второй половине XVIII в., на некоторых из них также было зафиксировано наличие филиграней российских и, не исключено, европейских бумажных фабрик. В тех случаях, когда филигранные представлены в достаточно полном виде, имеется возможность их идентификации с образцами из известных каталогов Н.П. Лихачева и С.А. Клепикова. В своем докладе я представлю результаты этой работы.

⁸ Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект № 17-01-00209/17-ОГОН).

Орчин цагийн монгол хэлний толь бичгүүдэд хийсэн хэл шинжлэлийн задлан шинжилгээ

Монголчуудын толь бичиг зохиох хамгийн эртний уламжлал нь бидэнд олдсон баримтаар бол XII-XIII үед хамаардаг бөгөөд энэхүү уламжлалаа хадгалсаар эдүгээ цагт иржээ. Ийм түүхийн урт удаан хугацаанд толь бичгийн нэн эрчимтэй хөгжлийн үе нь Монгол оронд шинэ соёл боловсрол түгэн дэлгэрсэн цаг үетэй яах аргагүй холбоотой юм. Энэ үед толь бичгийн үүрэг хэрэглээ нэмэгдэж тэр хэрээр олон янзын олон тооны толь бичиг зохиогдон гарсан байх бөгөөд тэдгээрийг хэл шинжлэлийн үүднээс задлан шинжилж үзэх нь толь бичиг зохион найруулах ажлыг чанаржуулахад нэн хэрэгтэй гэж үзэж байна. Бид энэхүү өгүүлэлдээ юун түүрүүн монгол хэлний толь бичгийн үүргийг тодорхойлсон бөгөөд тухайлбал, нийгмийн ямар ч цаг үед толь бичиг нь

1. *Журамлах*
2. *Хэвшүүлэх*
3. *Лавлах*

үүрэгтэй байсныг онцлон дурдаад уг үүргээ хэрхэн гүйцэтгэж байгааг тодорхойлохдоо түүнийг хэрэглээний шинжээр нь дотор нь хэл шинжлэлийн болон хэл шинжлэлийн бус гэсэн уламжлалт ангиллаар хуваав.

Толь бичиг нь журамлах үүргээ төрийн хэлний бодлогоор дамжуулан гүйцэтгэдэг байна. Үүнд хэл шинжлэлийн толь чухал үүрэгтэй. Тиймээс монгол хэлний хөгжлийн бүхий л үед эрдэмтэн судлаачид орчуулгын болон тайлбар толь зохиоход анхаарч ирсэн байна. Хэл шинжлэлийн толийг үүрэг зорилгоос нь шалтгаалж олон төрөл болгон хуваадаг бөгөөд тэдгээр нь тухайн салбартаа ямар нэг хэмжээгээр журамлах, хэвшүүлэх үүрэг гүйцэтгэж байдаг. Аливаа хэлний хэм хэмжээ гэдэг нь өргөн, олон талтай ойлголт бөгөөд үүнд тухайн хэлний авиа зүй, үгийн сан, хэл зүйн байгуулал, найруулга зүйн гэх мэт олон онцлогууд багтсан байдаг. Толь бичгийн дотроос агуулга, ач холбогдол, хэрэглээгээрээ тайлбар толь болон орчуулгын толь нь нэн чухал байр суурьтай. Иймээс энэхүү хоёр зүйлийн толь бичиг нь журамлах үүргээ хэрхэн гүйцэтгэж байгааг үсгийн дүрэм, үгийн сан, үг зүй, найруулга зүйн талаас задлан шинжлэв. Ингэж үзэхэд монгол хэлний толиуд нь үсгийн дүрмийн хувьд харилцан зөрөөтэй жигд бус, найруулгын алдаа мадагтай, тухайн толины аргагүйгээс шалтгаалан үг зүйн хувьд адилгүй, харин үгсийн сангийн хувьд харьцангуй сайн үгийн багтаамж ихтэй болох нь харагдлаа. Орчуулгын толины хувьд уламжлалт толь зүйд монгол хэлийг дорно дахины хэлтэй холбосон толь бичиг зонхилж байсан бол орчин цагийн монгол хэлний орчуулгын толины зүйд өмнөх үеийн уламжлал хадгалагдахын зэрэгцээ Монгол улстай харилцаа холбоо бүхий өрнө дахины хэлний олон толь зохиогдон гарчээ. Монгол хэлний орчуулгын толины хувьд тайлбар толийн үгийн бааз дээр суурилсан учир үсгийн дүрмийн хувьд өмнөх толиудтай адил жигд бус, үгийн багтаамж боломжийн боловч их гарын толины эрэлт хэрэгцээ байгаа ажиглагдлаа.

Толь бичиг нь хэвшүүлэх үүргээ нийтийн эх хэлний боловсролоор дамжуулан гүйцэтгэдэг. Үүнд журамлах үүрэг их нөлөөтэй. Өөрөөр хэлбэл, толь бичигт хэлний үгийг хэдий чинээ сайн журамлана нийтийн эх боловсрол төдий чинээ сайн байна гэсэн үг юм. Өнөө цагт нийтийн эх хэлний боловсролд дараах зүйл голлон нөлөөлж байна.

- Багш, сурган хүмүүжүүлэгчдийн эх хэлний мэдлэгийн түвшин
- Сонин, телевиз гэх мэт хэвлэл мэдээллийн хэрэгслүүд
- Интернет буюу цахим хэрэглээ

Монгол хэлний сургалтад монгол хэлний багш нар голлох үүрэгтэй боловч бусад мэргэжлийн багш нарын ч эх хэлний мэдлэгийн түвшин зохих ёсоор нөлөөлдөг. Иймээс

багш нарыг бие даан эх хэлнийхээ мэдлэгийг дээшлүүлэхэд толь бичиг их үүрэгтэй. Мөн сургалтад толь бичгийн үүргийг ч нэмэгдүүлэх ёстой. Өөрөөр хэлбэл, “Сурагчийн толь”-той болсноор хүүхэд багшаас мэдээлэл авахаас гадна өөрөө бие даан мэдлэг олж авах, олж авсан мэдлэгийнхээ дагуу эх хэлний хэм хэмжээг зөв ухаардаг байх ёстой. Ялангуяа орчин цагт мэдээллийг олон эх сурвалжаас олж авах боломжтой болсон, утга зохиолын хэлний хэм хэмжээг сайтар баримталж чадахгүй байгаа цагт сурагчийн толь бичгийн үүрэг, хэрэглээ их байна.

Сонин хэвлэл нь ямар ч нийгмийн үед монголчуудын соёл боловсролд ихээхэн нөлөө үзүүлсээр иржээ. Тухайлбал, 1920-иод оноос өмнөх үед ард түмнийг гэгээрүүлэх үүрэгтэй байсан бол 1990-ээд он хүртэл ард түмнийг соён гэгээрүүлэхийн зэрэгцээ төр засгийн бодлого шийдвэрийг ухуулан таниулах үүрэг гүйцэтгэж байв. Харин өнөө цагт дотоод гадаадад өрнөж буй үйл явдлын талаар мэдээлэл олж авах гол хэрэгсэл болсон байна. Сонин нь харьцангуй шуурхай, олон түмэнд хүртээмжтэй, бичлэгийн хувьд хялбар ойлгомжтой, цөөн үгээр өргөн агуулгыг гаргадаг, шинэ үг хэллэг, нэр томъёо амархан хэвшдэг зэрэг онцлогтой учир нийтийн эх хэлний боловсролд ихээхэн нөлөөтэй. Энэ ажилд нийтийн өдөр тутмын ажил амьдралд хэрэглэгддэг “Өргөн хэрэглээний үгийн толь”, “Шинэ үгийн толь” хэвлүүлэн түгээх нь их ач холбогдолтой юм.

Нийгмийн болоод, техник технологийн хөгжил нь өдрөөр биш цаг минутаар хэмжигдэх болсон орчин цагт хүн мэдээллийг улам хялбар, хурдан олж авахыг хичээх болжээ. Үүнтэй холбоотойгоор интернет буюу цахим хэрэглээ хүний мэдлэг, мэдээлэлд голлох нөлөө үзүүлдэг болсон байна. 1990-ээд оноос интернет, гар утасны хэрэглээ өсөн хүүхэд залуучууд латин үсгээр хоорондоо харилцах нь ихсэж, энэ нь тэдний эх хэлний боловсролд ихээхэн нөлөө үзүүлж байна. Гэхдээ энэхүү хэрэглээ нь ямар ч дүрэм журам байхгүй, хүн өөрийн боловсрол мэдлэгийн хэр хэмжээгээр бичдэг “хэл” юм. Энэ нь нэг талаар хувь хүмүүсийн асуудал мэт боловч эргээд кирил үсгийн боловсрол, хэрэглээнд муу нөлөө үзүүлж байсан учир энэ байдлыг засах зорилгоор Стандартчилал хэмжилзүйн төвөөс 5217:2012 стандарт батлав.

Толь бичиг нь лавлахын үүргээ хэрэглэгчийн хүсэл зорилгод нийцүүлэн толины олон төрөл зүйлээрээ дамжуулан гүйцэтгэдэг. Толь нь хэрэглээний шинжтэй учир тухайн цаг үе, хэрэглэгчдэд ямар толь хэрэгцээтэй байгааг мэдэж түүнд тохируулан зохиох хэрэгтэй болдог. Орчин цагт шинжлэх ухаан, техник технологийн үсрэнгүй хөгжил, хүмүүсийн боловсрол мэдлэгтэй холбоотойгоор толь бичгийн хэрэглээ асар их нэмэгджээ. Толь бичиг нь зөвхөн нэг салбар ухаанд чиглэсэн хандлагатай байсан бол орчин үед олон салбар ухааны мэдээллийг багтаасан харьцангуй цогц шинжтэй, хэрэглэхэд хялбар байхыг шаардах болсон байна. Үүнтэй холбоотойгоор толь бичгийн төрөл зүйл ч нэмэгдэх хандлагатай болжээ. Толийг хэрэглээгээр нь ерөнхийд нь

-тусгай мэргэжлийн

-олон нийтэд зориулсан

гэж хоёр хувааж болно.

Тусгай мэргэжлийн толиуд нь ихэвчлэн нэр томъёоны толь байна. Монголчууд орчин үеийн техник технологийн хөгжил, шинжлэх ухааны ололтоос хоцролгүй хөл нийлүүлэн алхахыг эрмэлзэх болсноор орчин цагт олон тооны нэр томъёоны толь хэвлэгдэж байна. Эдгээр нь нэр томъёог тогтоох, хэвшүүлэх үүрэг гүйцэтгэхийн зэрэгцээ давхар олон мэдээллийг /үгийн тайлбар, орчуулга, зураг гэх мэт/ багтаах болсноор уламжлалт хэв маягаас ялгагдаж байна. Ингэснээрээ дан ганц явцуу мэргэжлийн хүмүүст зориулсан бус сонирхсон хэн бүхэнд хэрэгцээтэй болж байгаагаараа давуу талтай юм.

Олон нийтэд зориулсан толь бичгийг аль болох авсаархан, ашиглахад хялбар байх үүднээс зурагтай, тайлбартайгаар хэвлэж байна. Жишээ нь, “Халаасны зурагт монгол орос толь” Уб., 2010, “Халаасны зурагт монгол хятад толь” Уб., 2010 гэх мэт. Мөн түүнчлэн энэ

хоёр зүйлийн дундын шинжтэй, өөрөөр хэлбэл тусгай мэргэжлийн нэр томъёог хэн бүхэнд ойлгомжтойгоор тайлбарласан толь гарсан байна. Тухайлбал, Е.Батчулууны “Физик газарзүйн нэр томъёоны тайлбар толь” нь ерөнхий физик газарзүй, геоморфологи, ус судлал, эрдэс чулуулаг, зурагзүй зэрэг салбарт түгээмэл хэрэглэгддэг 3000 орчим нэр томъёог тайлбарласан, 120 орчим зурагтай, англи, орос, герман орчуулгатай толь гарав. Өөрөөр хэлбэл, энэ нь угтаа нэр томъёоны толь авч тайлбар толь, зурагт толь, орчуулгын толины аль алинийг нь багтаасан байна.

Судалгааны дүнд орчин цагийн монгол хэлний толь бичиг нь төрөл зүйлийн хувьд хангалттай олон болж хэрэглэгчийн хүсэл шаардлагад нийцэж байгаа боловч хэл шинжлэлийн үүднээс авч үзвэл төдийлөн шаардлага хангахгүй байгаа нь харагдаж байна.

Д.А. Носов

О дате формирования «VI коллекции Жамцарано» в фонде монгольских рукописей и ксилографов ИВР РАН

Выдающийся монголовед Ц.Ж. Жамцарано (1881 - 1942) внес значительный вклад в формирование самой крупной в Европе коллекции рукописей и ксилографов на монгольском языке, которая ныне хранится в ИВР РАН. С 1903 по 1937 гг. от него поступило 302 единицы хранения, которые распределены между шестью коллекциями. Последняя, так называемая «VI коллекция Жамцарано», поступила от него в 1936 – 1937 гг. и насчитывает 21 памятник. В Центральном Национальном архиве Монголии сохранился документ, свидетельствующий о том, что эта коллекция сформировалась как минимум на несколько лет раньше – в 1931 г. и была подготовлена не в Ленинграде, а в Улан-Баторе. В докладе будет представлено обоснование более ранней датировки, а также высказано предположение о том, какие еще рукописи и ксилографы были привезены Ц.Ж. Жамцарано и Улан-Батора в Ленинград в 1931 г.

Т.А. Пан

Маньчжурско-русский словарь В.П. Васильева.⁹

Первый «Маньчжурско-русский словарь» (СПб, 1866, VI, 134 с.), изданный литографическим способом в России был составлен В.П. Васильевым (1818-1900). Безусловно, к этому времени существовали различные маньчжурско-русские словари, и свидетельством этому являются рукописные словари, принадлежавшие членам Пекинской духовной миссии, многие из которых хранятся в Архиве востоковедов ИВР РАН. Однако необходимость издания словаря объясняется введением регулярного преподавания маньчжурского языка в России. Оно связано именно с именем В.П. Васильева, начавшего преподавание в 1851 г. на кафедре китайской и маньчжурской словесности Казанского университета после смерти первого преподавателя маньчжурского языка И.П. Войцеховского (1793-1850). С переводом в 1855 г. восточных кафедр из Казани в Санкт-Петербургский университет В.П. Васильев возглавил китайско-маньчжурско-монгольскую кафедру, и в связи с отсутствием специалистов взял на себя обязанности по преподаванию маньчжурского языка. В предисловии к словарю автор объясняет причину издания своего рабочего словаря: «я не мог не заботиться о том, чтобы за неимением в России никаких руководств для этого языка, дать студентам, которым трудно было справляться и единственно существовавшим в Европе лексиконом Амиота, какие-нибудь

⁹ Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект № 17-01-00209/17-ОГОН).

средства. Поэтому около десяти лет тому назад еще до издания мной маньчжурской хрестоматии, я выписал из маньчжурско-китайских лексиконов главные слова маньчжурского языка с определением русского значения, на которое также не имею особой претензии. <...>. Не будучи обширен, лексикон мною составленный списывался до сих пор каждым учившимся у меня студентом, конечно, не без ошибок, потому что я не могу похвастаться разборчивым почерком. Вот почему, когда Г. Студент 2-го курса Кортнев просил меня о дозволении отлитографировать этот лексикон, я не мог не согласиться на его предложение, хотя конечно, мне не хотелось бы издавать в свет труд несовершенный. Однако все же, пока мы не будем иметь лексикона лучше, и этот труд может приносить некоторую пользу»(с. 1).

В отличие от маньчжурско-французского трехтомного словаря Амио (Amiot. Dictionnaire tartare-manchou-français. Paris, 1789-1790), фактически, являющемся переводом маньчжурско-китайского словаря *Цинвэнь хуйлу* и расположенного в порядке маньчжурского алфавита, словарь В.П. Васильева является пособием для чтения составленной им же «Маньчжурской хрестоматии для первоначального преподавания» (СПб, 1863, 228 стр.). Это первый изданный словарь в русской транслитерации, в котором словарные статьи расположены по русскому алфавиту, однако внутри них автор сохранил последовательность маньчжурского алфавита. Эта особенность словаря специально оговаривается в предисловии. Следует отметить, что ученик В.П. Васильева И.И. Захаров в своем «Полном маньчжурско-русском словаре» (СПб, 1875) вернулся к порядку маньчжурского алфавита.

В предисловии к словарю В.П. Васильев впервые говорит о произношении маньчжурских слов и несоответствии пекинского произношения написанию слов. Особое внимание уделено ударению в слове.

В словаре учтено около 5 000 маньчжурских слов, некоторые даны в словосочетаниях, однако преобладают переводы слов одним из их значений, что, вероятно, еще раз указывает на использование словаря для чтения текстов в основном из Хрестоматии В.П. Васильева. Слова даны в транслитерации, без особых диакритических знаков, заднеязычный *н* передается как *нкг* согласно написанию в маньчжурском слове. Оправдывая отсутствие маньчжурского написания слов, В.П. Васильев пишет: «опыт показал, что студентам маньчжурские слова, написанные русскими буквами, не только не представляют затруднения, но на первых порах составляют даже облегчение, так как они имеют постоянно перед главами маньчжурские тексты. Но может быть некоторые оттиски нашего лексикона попадут к русским, живущим или на Амуре, или на границах бывшей Цзюнгари, где также маньчжурский язык в употреблении. Маньчжурские слова, написанные маньчжурскими буквами, для них были бы бесполезны, имея их в русской транскрипции, они могут скорее научиться понимать маньчжурскую речь. <...> любознательные русские, имея под рукой наш лексикон, может быть отметят не только местные варианты произношения и ударений, но и дополнят лексикон новыми словами» (с. 2). Это еще раз подчеркивает практическую направленность пособия.

Однако позднее, в 1888 г., В.П. Васильев вместе с В.В. Радловым и К.Г. Залеманом участвовал в разработке «Обще-лингвистической азбуки, составленной на основании русских букв», где на с. 72-75 даются правила транскрибирования маньчжурских текстов. Она использовалась в некоторых русских научных трудах вплоть до конца XX в. (например, в работах М.П. Волковой). Однако эта азбука была неудобна обилием диакритики, поэтому наиболее приемлемой оказалась транскрипция И.И. Захарова, основанная на той, которую предложил В.П. Васильев в своем «Маньчжурско-русском словаре».

Российские путешественники о правовых реалиях Монголии первой половины XIX века¹⁰

Первая половина XIX в. является весьма противоречивым периодом в истории Монголии. Формально династия Цин продолжала осуществлять в Монголии начатую еще в XVIII в. политику «сбережения сил монгольского народа», включавшую сохранение значительной автономии монгольских правителей, многочисленные налоговые льготы и пр. С другой стороны, необходимость в использовании многочисленной монгольской конницы маньчжурскими властями к XIX в. постепенно уменьшалась, что привело к фактической отмене ряда привилегий и постепенному укреплению маньчжурской администрации в Монголии, росту злоупотреблений местной знати.¹¹

Для понимания политико-правовых реалий Монголии в рассматриваемый период большую ценность имеют работы иностранных путешественников, посетивших страну в это время. В настоящем докладе анализируются сведения ряда известных российских путешественников, в которых нашли отражение особенности правового развития Монголии в первой половине XIX в. Это – первый том «Путешествия в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах» Е.Ф. Тимковского, часть «Записок о Монголии» Н.Я. Бичурина, содержащая дневник его поездки по Монголии в 1821 г., дневники, веденные О.М. Ковалевским во время путешествия по Монголии и Китаю в 1830 г. и П.И. Кафаровым во время поездки по Монголии в 1847 г.

В упомянутых записках встречаются ценные сведения об особенностях взаимоотношений представителей монгольской знати с императорским двором, обращается внимание на символический характер «дани» от монголов императору и большое количество ответных даров. Также важным представляется отражение процесса интеграции монгольской аристократии в сановную элиту империи: обладатели цинских титулов и званий из числа монгольских правителей (потомков Чингис-хана) имели куда больше прав и привилегий, нежели их родичи, не имевшие таковых.

Наиболее подробно путешественники описывают организации системы почтовых станций в Монголии, поскольку передвигались по стране преимущественно через них. При этом обращается внимание на принципы комплектования персонала станций, системы их управления, несения соответствующих повинностей местным населением, получения ими жалования и пр. Наряду с почтовыми станциями описывается забота о «богдоханских», т.е. императорских стадах в Монголии (верблюжьих, конских, овечьих), льготы, предоставляемые их наследственным пастухам и их семействам – это, по-видимому, также было связано с реализацией политики «сбережения сил монгольского народа». Отмечается практически полное отсутствие торговли в Монголии, сведенной к примитивному обмену отдельными видами товаров преимущественно с китайцами, введенным запрет на торговлю монголов с иностранцами.

¹⁰ Публикация подготовлена в ходе проведения исследования (проект № 16–01–0022) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2016–2017 гг. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих 10 университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

¹¹ См. подробнее: Попов А.В. Цинское законодательство XVIII – первой половины XIX в. о «сбережении сил монгольского народа» // Международная конференция «З. К. Касьяненко – Учитель и монголовед (посвящается 90-летию)». 30 сентября – 1 октября 2015 г., Санкт-Петербург. Программа. Тезисы. СПб., 2015. С. 32–33.

Важные наблюдения делают путешественники об особенностях статуса различных регионов Монголии. Так, чахары (южные монголы), первыми признавшие власть Цин, обладали наибольшими привилегиями, что позволяло им вызывающе вести себя в отношении других монголов, иностранцев и даже представителей маньчжурских властей. Жители Халхи, неся пограничную военную службу, также имели ряд привилегий, тогда как проживавшие «между ними» суниты являлись самым бесправным населением Монголии.

Краткие, но яркие сообщения ряда путешественников касаются системы преступлений и наказаний, особенностей отношения монголов к различным противоправным деяниям. Так, кража (особенно у чужаков) нередко не считалась преступлением, а грабительские набеги даже воспринимались как доблесть. Различные преступления разбирались в разных инстанциях – от родового владетеля (дзасака) до аймачного сейма, и только в исключительных случаях дело передавалось в Палату внешних сношений (Лифаньюань).

Таким образом, свидетельства российских путешественников представляют большую ценность об особенностях развития монгольского права в первой половине XIX в., различиях в писаном законодательстве и реальных правоотношениях.

Р.Т. Сабиров

Монголия 1926 - 1927 гг. глазами китайского агента

Доклад основан на данных источника, не получившего достаточного освещения в отечественном монголоведении – путевых заметках китайского политического агента Ма Хо Тяня, который побывал в Монголии в 1926-27 гг. Важность этого источника обусловлена рядом факторов.

Во-первых, вторая половина 1920-х гг. – один из наиболее интересных и драматичных периодов монгольской истории, который изучен достаточно подробно в том, что касается политики и международных отношений. Но значительно меньше информации о монгольской повседневности тех лет, социальных отношениях и быте. Есть много работ (Майский, Позднеев, Козлов, Бурдуков и др.), посвященных этой теме, но охватывающих более ранние периоды.

Во-вторых, эти путевые заметки написаны китайцем, т.е. в отличие от русских и западных путешественников, имевшим совершенно иное отношение к Монголии. Поэтому его взгляд на монгольские реалии особенно интересен. В своих заметках Ма Хо Тянь пишет об образовании (школах, университете, учениках и т.п.), различных государственных органах и политических организациях новой Монголии, уделяет внимание торговле, ценам, социальным проблемам, дает характеристику монгольским женщинам, а также живущим в Урге русским и японцам.

Д.Д. Селюнина

Семантика термина *küciin* в монгольских исторических сочинениях XVII века

В современном монгольском языке слово *küciin* имеет широкий круг контекстов употребления и нейтральную коннотацию. Однако его использование в исторических произведениях монголов имеет выраженную тенденцию к отнесению этого термина исключительно к сфере политической культуры. Начиная с самого раннего памятника монгольской литературы – «Сокровенного сказания», среди употреблений термина *küciin* можно выделить два основных контекста: передача «силы» (монг. *küciin*) от подданных к

правителю и делегирование «силы» Небом опять же правителю. В более поздних сочинениях XVII в. – в летописи «Шара туджи» и биографии туметского Алтан-хана «Эрдэни тунумал» – появляются иные значения термина *küciin*, в большей степени связанные с военной или политической силой. Таким образом, можно предположить, что в ранней исторической традиции монголов термин *küciin* обозначал один из элементов, формирующих вертикальное иерархичное устройство мира и социума через его передачу с одного уровня иерархии на другой. Это значение во многом сохранилось и в более поздних источниках. В то же время, использование термина *küciin* в этих сочинениях отражает степень воздействия буддийской идеологии на тот или иной регион, а также процесс десакрализации концептов традиционной политической культуры.

А.А. Сизова

Вновь обнаруженные материалы И. Иерига в Архиве востоковедов ИВР РАН

Иоганну Иеригу (1747–1795), родившемуся в Германии и приехавшему в Россию вместе с другими моравскими братьями для заселения колонии Сарепта-на-Волге, было суждено стать первым отечественным монголоведом и тибетологом. Практически всю свою не слишком продолжительную жизнь И. Иериг провел среди калмыков и бурят, проживавших на территории Российской империи, собирая для Академии наук сведения и предметы, относящиеся к самым различным областям жизни этих монгольских народов.

В последние годы в России и Германии растет интерес к личности и биографии И. Иерига, появляются публикации научного и даже художественного характера, ведется работа по разысканию связанных с этой темой материалов, разбросанных по архивам обеих стран.

В настоящем докладе будет представлено описание рукописного сборника под условным названием «Грамматические и словарные материалы по калмыцкому языку», хранящегося в Архиве востоковедов ИВР РАН (Р. II, оп. 2, ед. хр. 339). Данные материалы до настоящего времени не ассоциировались с именем И. Иерига, прочие рукописи которого выделены в АВ ИВР РАН в отдельный фонд (ф. 21). На основании содержания и палеографических особенностей представляется возможным убедительно доказать их принадлежность И. Иеригу и вписать эти документы в контекст научной биографии ученого, работавшего среди калмыков в 1774–1780 гг.

Т.Д. Скрынникова

Эволюция концепта *törö* в летописи XIX века¹²

Концепт *törö* является одной из базовых идей политической культуры монголов на протяжении многих веков. Достаточно убедительно, как мне представляется, значение *törö* в качестве концепта, обозначающего универсальный высший закон Вселенной, проводником которого был хаган, представлено в *Тайной истории монголов*.

На основании анализа данных источников XVII в. и адекватной реконструкции системы представлений о власти можно прийти к выводу, что последние в решающей степени определялись теми же представлениями о *törö* как Высшем Законе, т.е. универсальном принципе организации мира. *Törö* может выполнять цивилизующую и гармонизирующую функцию, поскольку в текстах подчеркивается его связь с харизмой правителя: «Золотая веревка хагана благополучна – яшмовое *törö* мирное» (монг. «qayан-и

¹² Исследование выполнено за счет гранта РГНФ № 15-01-00170 «Эволюция представлений о власти в монгольском обществе XIII-XX вв.».

altan oγosar esen . *qas törö anu taibing бүкүй-е*). Здесь зависимость *törö* от харизмы правителя, обозначенной золотой веревкой, выражена эксплицитно, что зачастую отмечается и в ритуальных текстах: «Ставшее столпом *törö* (медиатором в качестве Axis mundi. – Т.С.)..., ставшее опорой телу... четырехбунчужное великое знамя (*сульдэ*, ср. ниже – *туг*. – Т.С.); великое *сульдэ* (харизма. – Т.С.) августейшего владыки (Чингисхана. – Т.С.), ставшее опорой *törö*, воплотившееся в девятибунчужном белом знамени» (*törö-yin qadaγasun boluγsan... bey-e-yin түсиг болуγсан... дөрбөн көлтү yeke qar-a сүлде / törü-yin түсиг болуγсан., yesün көлтү çayan туγ-iyen bosqaju... бойда ejen-ü yeke сүлде*). Можно говорить о том, что в XVII в. еще сохраняется сакрализованное значение *törö* как обозначение Высшего закона как принципа универсальной равнозначности в микро- и макрокосмосе. Представления о единстве сакральности правителя (*sülde*) и *törö* является архетипом традиционного сознания, когда идея правителя в качестве проводника универсального закона проявляется наиболее выразительно.

Но можно констатировать, что к XVII в., когда были написаны летописи, термины были полисемантически и передавали как сакральный, так и профанный смысл. Использование терминов *qoyar jasaγ* и *qoyar yosun* как синонимов *qoyar törö* позволяет говорить о начале процесса десакрализации и секуляризации значения последнего.

Анализ проявлений концепта *törö* в летописи *Эрдэнийн эрхэ*, написанной в середине XIX в. тайджи Галданом-тусалагчи, представляет безусловный интерес для исследования формирования и эволюции лексики политической культуры монголов. Прежде всего, стоит отметить, что в ней мы уже не встречаем упоминания *törö* в значении универсального закона вселенной. В продолжение традиции политической культуры XVII в. процветание народа обеспечивается руководством концепцией двух законов: чтобы Далай-лама «заботился о светской власти/правлении и религии» (*Törö šajin-i sanaju*) или «проповедовал учение о светской власти/правлении и религии» (*Törö šajin-u yeke surγali-yi surγaju*), и чтобы «светская власть/правление было мирным, и религия процветала» (*törö engke болоγад šajin mön badarabai*). Концепт *törö* связан лишь с верховной властью, которой обладал, согласно автору, маньчжурский император, что и подчеркивается в тексте *Эрдэнийн эрхэ*. Из речи Джебцзун-Дамба-хутухты к императору мы узнаем, что его заветное желание заключается в том, чтобы халхасы жили, «опираясь на власть августейшего владыки» (*Boγda ejen-ü engke törö-tü түүсijү*), что в результате исполнилось и халхасы «...вошли в подданство, склонившись под правление Шэн цзу урушиелту хуанди» (*shengtszu ürüšiyeltü quvandi-yin törö-yi туγар түүсijү dayaju orobai*). Следует упомянуть часто употребляемое выражение *törö-yin ичир*. Например, *törü-yin ичир* может переводиться как «по причине [смены] власти/правления», когда речь идет о власти, переперешедшей из рук умершего императора к его наследнику (от Дэгэду-эрдэмту к Эйэ-бэр цзасакчи). Закрепление за концептом *törö* современного значения (власть, правление) мы видим уже в обозначении министерства по управлению Внешней Монголией – *γadaγatu mongγol-un törö-yi jasaqu yabudal-un yamun* (досл. Министерство по делам осуществления власти во Внешней Монголии).

Д.Д. Трегубова

Старописьменный монгольский язык как символ единства бурят

Одним из важных негласных принципов языковой политики любого многонационального государства является принцип управляемости страной. Буряты же своего полноценного государственного образования не имеют. Поэтому вовсе не удивительно, что российских бурят сегодня объединяет русский язык. Закономерно и то, что буряты Халха-Монголии переходят на монгольский, а во Внутренней Монголии, в особенности после вступления в силу в 2000 г. «Закона КНР об общеупотребительном языке и письменности», ощущается давление путунхуа, и студенты из Шэнэхэна

признаются преподавателям кафедры бурятского языка и методики преподавания Бурятского госуниверситета (далее - БГУ) в том, что китайский они понимают лучше, чем «ваш бурятский». При этом символом единства бурят России, Монголии и Китая, как и символом культурного единства всего монгольского мира, остается старописьменный монгольский язык.

В качестве современной письменной основы своего языка вертикальное старомонгольское письмо сохранили только буряты Внутренней Монголии КНР, проживающие преимущественно в западной части округа Хулун-Буир. (Установить их точную численность сложно, поскольку официально буряты Внутренней Монголии считаются монголами). В 1975 г. был запущен проект по переводу монгольских языков КНР на латиницу, но смерть Мао Цзэдуна в 1976 г. помешала ему реализоваться. Однако в Республике Бурятия (как, впрочем, и в Халха-Монголии) в последние годы наблюдается устойчивое возрастание интереса к изучению старомонгольской письменности.

На вопрос, почему это происходит, ученые и обыватели отвечают по-разному. Многие связывают этот процесс с общим подъемом национального самосознания и повышением интереса к родному бурятскому языку в целом, а также с усилением контактов между российскими и шэнэхэнскими бурятами, практически отсутствовавшими до начала 1990-х гг. Специалисты Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН (далее - ИМБит СО РАН) связывают рост интереса к старомонгольскому письму со стремлением к изучению родословных, большинство из которых созданы и хранятся в архивах на старомонгольском, а также бурятских летописей и других письменных памятников, востребованных в настоящее время.

Конечно, старописьменный монгольский язык устарел, и не отражает многие современные реалии и фонетические тонкости. Однако интересные перспективы его современного использования связаны с применением предложенной в 2001 г. голландским ученым Абрамом де Свааном концепции глобальной языковой системы, которая наглядно показывает, что перспективный путь развития или спасения языка связан с повышением его коммуникативной ценности. К сожалению, это возможно далеко не всегда, однако в ситуации с современным бурятским языком, занесенным в Атлас вымирающих языков ЮНЕСКО в 2002 г., представляется осуществимым как раз посредством обращения к старомонгольскому вертикальному письму, овладев которым мы получаем гипотетическую возможность объясняться не только с носителями различных диалектов бурятского, но и с остальным монгольским миром. То есть, владение старомонгольским письмом наряду с владением любым из монгольских языков, не обязательно бурятским, способно существенно расширить наши возможности общения. К монгольским народам относит себя приблизительно десять миллионов человек, бурят же в мире всего около 600 тысяч.

В официальных документах, формирующих современную нормативно-правовую базу для осуществления языковой политики в Республике Бурятия, никаких упоминаний о старомонгольской письменности нет. И все же, по мнению некоторых преподавателей Восточного Института БГУ и сотрудников ИМБит СО РАН, повышение интереса, и даже мода на старомонгольский язык может способствовать привлечению молодежи к изучению современного бурятского языка, нуждающегося (в условиях развития классических, характерных для эпохи глобализации сценариев) во всемерной поддержке.

А.А. Туранская

Колофоны буддийских сочинений Ширегету Гуши Цорджи

Ширегету Гуши Цорджи (монг. *Širegetü gūši čorji*) – один из наиболее известных переводчиков тибетских буддийских сочинений на монгольский язык конца XVI - начала

XVII вв. Несмотря на то, что личность этого переводчика давно привлекает внимание ученых монголоведов, сведения о нем по-прежнему весьма ограничены, неизвестны даже точные годы его жизни. На данный момент известно 17 переведенных им сочинений. Наиболее ранний из его переводов, сутра Ямантаки (монг. Yamandaga-yin sudur), относится к 1587 г., а наиболее поздний, намтар Миларэпы, – к 1618 г. Особый интерес представляют колофоны, составленные им в качестве своего рода дополнения к этим сочинениям. По большей части, они представляют собой весьма схожие стихотворные блоки текста, для которых характерен определенный набор композиционных и стилистических клише. Доклад посвящен текстологическому анализу колофонов Ширегету Гуши Цорджи и выявлению типологически схожих черт этих текстов.

С.Н. Цеденова

К вопросу о поэтике монгольского и калмыцкого рассказа XX века

Малые формы прозы - очерк и рассказ - достигли высокого художественного уровня в монгольских литературах XX в.

Национальная проза XX в. развивалась, преодолевая описательность, очерковость, стремилась к типизации явлений действительности. В прозе 20-30-х гг. интенсивно разрабатывается две основные темы — прошлое и настоящее.

Молодым писателям Калмыкии и Монголии легче было оттолкнуться от прошлого, сравнивая, сопоставляя картины жизни, быта, изменения в представлениях вчерашнего кочевника. Художественный прием, в основе которого лежал контраст, был близок и понятен монголу, он шел от фольклора и героического эпоса.

Чтобы оттенить новое, писатель обращался к раскрытию картин прошлого народа, его истории, пытаясь на этом фоне выделить человека, его характер.

Монгольские народы имеют богатые устные и письменные традиции, оказавшие большое влияние на становление и развитие современной литературы. Особо велико было их влияние на начальном этапе зарождения и становления современной литературы. Это можно судить по произведениям писателей, стоявших у истоков зарождения современной монгольской и калмыцкой литератур. Рассказы Д. Нацагдоржа, Ц. Дамдинсурэна, Н. Манджиева, Х. Сян-Белгина, Б. Басангова, К. Эрендженова богаты образцами разнообразных жанров фольклора.

Наиболее широко в рассказах 20-30-х гг. представлены: афористическая поэзия, предания, легенды, сказки.

Пословицами и поговорками насыщены все рассказы 20-30-х гг. Большую роль пословицы и поговорки играют в раскрытии характера героев, помогают объяснить мотивы поведения человека. Как в монгольских, так и в калмыцких прозаических произведениях встречаются одинаковые пословицы и поговорки («Нохала надсн хорма уга, нойнла надсн, толга уга», «Ур бий зовадг, уул мор зовадг», «Экин санан үрнд, үрнд санан күдүд», «Залу күүнд хаалг ут»). Пословицы и поговорки даны в авторской речи, в языке действующих лиц, помогают раскрытию главной темы произведения.

В рассказах 20-30-х гг. широко использовались образцы песенного жанра. В рассказе «Старший сын чабана Манджи» и «Рассказ о колхозе» Н. Манджиева включены лирические, свадебные, исторические песни. Песни используются как средства художественного изображения жизни, помогают раскрытию внутреннего мира героя, характеризуют отношения между героями, являются композиционно необходимым элементом.

Благопожелания и восхваления занимают немаловажное место в монгольском и калмыцком рассказе. Благопожелания и восхваления всегда были и до сих пор являются неотъемлемой частью жизни монгола. Ни одно мало-мальски значительное событие в жизни монгола не обходится без благопожелания. Включение в ткань повествования благопожеланий и восхвалений закономерно и вызвано не только эстетическими потребностями, но и функциональными возможностями данного жанра. В рассказах Д. Нацагдоржа, Ц. Дамдинсурена, К. Эрендженова, Н. Манджиева широко используются благопожелания и восхваления.

Сказки, легенды, предания органично входят в ткань рассказов монгольских и калмыцких писателей. «Четыре маленькие сказки», «Мудрый ягненок», «Сказка о желании», «Гнедой со священной горы» Ц. Дамдинсурэна, «Рассказ старого чабана» Сян-Белгина Х. простыми и понятными образами помогали понять суть происходящих событий. Предания и легенды содержат народную оценку событий и фактов прошлых лет.

Приметы, суеверия, предрассудки занимают значительное место в рассказах монгольских и калмыцких писателей 20-30-х гг. В рассказах Д. Нацагдоржа «Слезы Ламбугая», «Белый месяц, черные слезы», Ц. Дамдинсурэна «Белый ягненок», «Старуха», «Шарав и Норов», «Иноходец», Сян-Белгина Х. «Савар хар», «Чоорян чоткр», «Орклдг» и др. показаны разнообразные стороны жизни человека. Введенные в ткань повествования, приметы, суеверия, предрассудки помогают глубже отобразить жизненный опыт героев, показывают отношения человека с окружающим миром.

Таким образом, рассказ в монгольской и калмыцкой литературе XX в. имеет жанровые традиции, которые и определяют его национальную специфику и художественное своеобразие.

Литература

1. Дамдинсурэн Ц. Түүвэр зохиол. Улаанбаатар, 1969
2. Нацагдорж Д. Зохиолууд. Улаанбаатар, 1964
3. Манжин Н. Гашута юнн. Элст, 1973
4. Сян-Белгин Х. Улан хотн. Элст, 1978

Т.И. Юсупова

Нормативно-правовые основания работы советских ученых в Монголии в 1920-х -1960-х гг.¹³

Научные контакты между Россией и Монголией установились в начале 1920-х гг. и продолжают активно развиваться в настоящее время. Продолжительное время главными участниками этого процесса являлись Академия наук СССР и Академия наук МНР (до 1961 г. – ее предшественник – Комитет наук (Ученый комитет) МНР).

Монголия, ее природно-географические особенности, население и история представляли большой интерес для российских ученых, в том числе и в связи с изучением сопредельной территории Сибири. Сотрудничество с Комитетом наук (Ученым комитетом) МНР предоставило им возможность реализовать свои личные исследовательские программы, результаты которых внесли существенный вклад в развитие ряда естественнонаучных и гуманитарных направлений, решить научные

¹³ Доклад подготовлен при поддержке гранта РФФИ (проект № 16-03-00475а).

проблемы в области истории, археологии, геологии, биологии, палеонтологии и других научных дисциплин. Кроме того, в результате их деятельности монгольские и российские музеи обогатились значительными, частью уникальными, естественнонаучными и археологическими коллекциями.

Следует особо подчеркнуть, что сотрудничество Академии наук СССР и Комитета наук (Ученого комитета) МНР выстраивалось на основании норм международного права в рамках межгосударственных договоров и специальных соглашений между двумя научными учреждениями и, что важно отметить, носило взаимовыгодный характер. Эти документы юридически закрепляли формы и содержание сотрудничества, а также снимали вопросы правового обеспечения работ советских ученых в Монголии.

Государственное регулирование деятельности иностранных ученых на территории Монголии было начато в сентябре 1924 г., когда по инициативе ученого секретаря Ученого комитета Монголии Ц.Ж. Жамцарано (1881-1942) монгольское правительство приняло закон «Об охране памятников старины». Этот документ ограничивал вывоз из страны научных коллекций, добытых иностранными экспедициями и учеными и требовал для проведения работ на территории Монголии заключать специальные договоры с Комитетом наук (Ученым комитетом). Академия наук СССР ответственно подходила к выполнению взятых обязательств. Об этом свидетельствуют, в частности, переданные советскими учеными в Комитет наук (Ученый комитет) в соответствии с соглашениями отчеты и собранные на территории Монголии коллекции.

Общие направления и характер сотрудничества в указанный период определялись долгосрочными (пятилетними) договорами (на 1930–1934; 1935–1939 и 1960-1965 гг.) между АН СССР и Комитетом наук МНР и ежегодными соглашениями о выполнении конкретных совместных проектов и проведении экспедиционных исследований.

В докладе будут рассмотрены нормативно-правовые акты, регулировавшие работы советских ученых в Монголии, их содержание, основные особенности, мотивации подписания, ход выполнения и причины не полной реализации; освещены главные участники подготовки этих документов и ход работы над ними. В частности, будут проанализированы пятилетние договоры, заключенные в 1929, 1935 и в 1960 гг.; договоры об осуществлении экспедиций Монгольской комиссии Академии наук в 1920-х гг.; соглашение 1948 г. о подготовке «Истории МНР» и организации Историко-этнографической экспедиции в 1947-1949 гг.; соглашения о проведении Палеонтологической экспедиции 1946-1949 гг. и о Совместной палеонтологической экспедиции 1969 гг. и др.

Н.В. Ямпольская

Об интерпретации тибетского выражения *gtan la phab* и его эквивалентах в колофонах буддийских канонических сочинений на монгольском языке

В колофонах буддийских сочинений, переведённых на тибетский язык с санскрита, встречается выражение *gtan la phab* (форма прошедшего времени от *gtan la 'bebs*) — клише, используемое для обозначения завершения процесса работы переводчика или редактора с текстом. Этот тибетский термин не имеет однозначного соответствия в европейских языках и получает различные интерпретации в зависимости от контекста. Согласно толкованиям, представленным в словарях, словосочетание *gtan la 'bebs* (*gtan la phab*) встречается в значениях «утвердить», «кодифицировать», «упорядочить», «утвердить [окончательный вариант перевода]», «завершить [перевод]», «отредактировать». Наиболее удачным представляется следующее развёрнутое толкование: «фраза, используемая тибетскими переводчиками и индийскими пандитами и означающая, что перевод с санскрита на тибетский язык был осуществлён, проверен и

признан окончательным» (толкование приводится по словарю *The Illuminator. Tibetan-English Encyclopaedic Dictionary (Edition 5.00)*. Nepal, Kathmandu: Padma Karpo Translation Committee, 2004). Вероятно, именно окончательный характер действия имеет здесь определяющее значение, в то время как сами действия, производимые с текстом, могут различаться. На это указывает, например, употребление интересующего нас термина в тибетском колофоне сутры «Аштасахасрика Праджняпарамита» (санскр. *aṣṭasāhasrikā-prajñāpāramitā*; тиб. *shes rab kyi pha rol tu phyin pa brgyad stong pa*), где выражение *gtan la phab* встречается шесть раз, и по крайней мере в четырёх случаях из шести речь идёт о редакторской работе с текстом, а не о переводе.

В санскритско-тибетско-монгольском словаре буддийской лексики *Mahāvyutpatti* представлено несколько словосочетаний, в составе тибетской версии которых есть вариации выражения *gtan la 'bebs*, однако ни одно из них не имеет прямого отношения к области перевода или редактирования текстов. Наиболее близким по значению представляется термин *nirṇaya*, среди значений которого — «постановление», «окончательное определение», «заключение», «приведение решающего аргумента». Согласно словарю *Mahāvyutpatti*, ему соответствуют тиб. *gtan la dbab pa* и монг. *nuta orosiṅulqu*.

В монгольских переводах тибетских колофонов выражению *gtan la phab* соответствует несколько устойчивых словосочетаний: *maṅad bayulyabai*, *batuda bayulyabai*, (*nuta*)*lan bayulyabai*. Эти три варианта перевода буквально передают тибетские слова в словосочетании: монгольские *maṅad* («точно, наверняка»), *batuda* («накрепко») и *nutalan* («накрепко, навсегда») соответствуют тибетскому *gtan* («полностью, окончательно, навсегда»), в то время как глагол *bayulyabai* (форма прошедшего времени от *bayulyaṅqu* — букв. «опускать») соответствует тибетскому *phab* (форма прошедшего времени от *'bebs* — букв. «опускать»).

Кроме того, в монгольских колофонах встречается необычный вариант перевода тибетского термина *gtan la phab* — *debisker-tür bayulyabai*. В этом монгольском словосочетании употреблено слово *debisker* («подстилка, подушка, сиденье») в форме дательного-местного падежа, и буквально его можно перевести как «поставил(и) на подстилку». То же самое значение словосочетание приобретает и в варианте *debisker-tür orosiṅulbai*, где использован глагол *orosiṅulqu* (букв. «помещать») — традиционная для монгольских колофонов калька с тибетского глагола *bzhugs*, который буквально означает «находиться, пребывать», но в контексте колофонов может быть интерпретирован как «записывать», или «помещаться [в книге]». Кажущееся не вполне уместным в контексте колофона монгольское словосочетание *debisker-tür bayulyabai* вероятнее всего объясняется простой ошибкой, произошедшей из-за сходства тибетских слов *gtan* («полностью, окончательно») и *gdan* («подстилка, подушка, сиденье»). Тибетские графемы ཏ (ta) и ཏ (da) имеют сходное написание, что часто делает их практически неотличимыми в рукописных и ксилографических текстах.

Н.С. Яхонтова

Ассоциативные названия чисел в тибетско-монгольских словарях

Слова, называющие числа по ассоциации с хорошо известным количеством разных объектов, включены только в два тибетско-монгольских словаря, изданных в первой половине XVIII в.: «Легкий для изучения» (тиб. *rtogs par sla ba*, монг. *kilbar-iyar surqu*) и «Источник мудрецов» (тиб. *dag yig mkhas pa'i 'byung gnas*, монг. *Merged ṅarqu-yin oron*). В обоих словарях они стоят в одном ряду со списками поэтических выражений (или эпитетов, синонимов) для других референтов. В первом, учебном издании, есть небольшой раздел, где собраны короткие списки выражений для немногих, но

разнообразных, референтов, среди которых есть и числа. Их тоже немного: только числа первого десятка и число «двенадцать». Максимальное количество названий у одного референта-числа — три (у чисел «два» и «семь»), а всего таких названий 21. Во втором, тематическом, словаре списки поэтических выражений приводятся только в 9 томе, название которого «Искусство и ремесла» (тиб. *bzo rig*, монг. *ugaḷaqui uqaγan*). В нем, в части, посвященной астрономии и астрологии, наряду с выражениями для временных отрезков и планет, даются списки для референтов-чисел. В этом словаре чисел больше: от числа «один» до «16», и для отдельных чисел — «18», «24», «25», «27», «32» и «ноль». Количество названий тоже больше: максимально — семь (у чисел «два» и «восемь»), всего — 92 (у чисел первого десятка названий больше, чем у остальных). Между названиями, включенные авторами в эти словари, есть разница не только в их числе, но и в их составе. В первом — это слова, легко ассоциирующиеся с соответствующим числом, из них самые простые названия: «глаза» (тиб. *mig*, монг. *nidün*) и «руки» (тиб. *lag*, монг. *γar*) для числа «два», «вкусы» (тиб. *go*, монг. *amtan*) для числа «шесть», «стороны» (тиб. *phyogs*, монг. *jüg*) для числа «десять». Некоторые слова менее очевидны, например, «наги» (тиб. *klu*, монг. *luus*) обозначают число «восемь» (по числу Великих нагов), слово «дома» (тиб. *khyim*, монг. *ger*) — это число «12» по ассоциации с двенадцатью «солнечными домами», т.е. знаками зодиака. В «Источнике мудрецов» присутствуют почти все названия, которые есть в «Легком для изучения», но к ним добавлены и более сложные по своим ассоциациям слова, связанные с буддийской космологией, например, «миры» (тиб. *'jig rten*, монг. *yirṭinčü*) для числа «три»; «реки» (тиб. *chu bo*, монг. *mören*) для числа «четыре»; медициной, например, «хорошие» (тиб. *bzang po*, монг. *sayin*) для числа «шесть» (шесть лекарств); мифологией — «лошади» (тиб. *rta*, монг. *morin*) для числа «семь» (семь лошадей в колеснице Солнца), астрономией — «звезды» (тиб. *skar ma*, монг. *odon*) для числа «27» (по числу «лунных домов», через которые проходит Луна), и буддизмом, например, «силы» (тиб. *stobs*, монг. *küčün*) для числа «десять» (десять сил Будды), «причинно-зависимое происхождение» (тиб. *rten 'brel*, монг. *sitün barilduqui*) для числа «12» (по числу звеньев цепи). В значениях ассоциативных названий чисел, так же как и в поэтических названиях других референтов, ощущается влияние индийской традиции, например, для числа «14» на обоих языках дается запись санскритского слова *manu* (тиб. *ma nu*, монг. *manu*), отсылающего к 14 полу-божественным существам индийской мифологии. В других случаях это влияние не так очевидно, например, слово «стрелы» (тиб. *mda'*, монг. *sumun*) обозначает число «пять» по числу стрел божества любви Камадевы. Знание приемов санскритской абхидханы (науки о словарях) помогает определить, что под словом «с капюшоном» (тиб. *gdengs can*, монг. *erbegertü*) подразумевается референт «нага», который, в свою очередь, обозначает число «восемь».

Список участников конференции

Алексеев Кирилл Всеволодович

Старший преподаватель кафедры монголоведения и тибетологии Восточного факультета СПбГУ. Санкт-Петербург, Россия.
kvalexeev@gmail.com

Басангова Тамара Горяевна

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела монгольской филологии Калмыцкого научного центра РАН. Элиста, Россия.
basruangova49@yandex.ru

Билгүүдэй Гаадамбын

Кандидат филологических наук, профессор. Директор Института языка и литературы АН Монголии. Улан-Батор, Монголия.
gaabilguudei@gmail.com

Бичеев Баазр Александрович

Доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Калмыцкого научного центра РАН. Элиста, Россия.
bazar@mail.ru

Дайриймаа Баасанжаргал

Кандидат филологических наук, научный сотрудник Сектора фольклористики Института языка и литературы АН Монголии. Улан-Батор, Монголия.
djargal2010@gmail.com

Елихина Юлия Игоревна

Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Востока Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург, Россия.
julia-elikhina@yandex.ru

Жуков Вадим Юрьевич

Кандидат исторических наук, доцент. Специалист по связям с общественностью Отдела по связям с общественностью СПбГАСУ. Санкт-Петербург, Россия.
gratis2002@inbox.ru

Зорин Александр Валерьевич

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института восточных рукописей РАН. Санкт-Петербург, Россия.
kawi@yandex.ru

Кульганек Ирина Владимировна

Доктор филологических наук, зав. сектором Центральной Азии, главный научный сотрудник Института восточных рукописей РАН. Санкт-Петербург, Россия.
kulgan@inbox.ru

Мөнхсайхан Сэржээ

Кандидат филологических наук, доцент. Старший научный сотрудник Сектора лингвистики Института языка и литературы АН Монголии. Улан-Батор, Монголия.

sms_uyanga@yahoo.com

Носов Дмитрий Алексеевич

Кандидат филологических наук, младший научный сотрудник отдела Центральной Азии Института восточных рукописей РАН. Санкт-Петербург, Россия.

dnosov@mail.ru

Пан Татьяна Александровна

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник заведомо Дальнего Востока Института восточных рукописей РАН. Санкт-Петербург, Россия.

ptatiana@inbox.ru

Почекаев Роман Юлианович

Кандидат юридических наук, профессор кафедры теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Санкт-Петербург, Россия.

ropot@mail.ru

Сабиров Рустам Тагирович

Кандидат исторических наук, доцент Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова. Москва, Россия.

tabarzin@gmail.com

Селюнина Дарья Дмитриевна

Магистрант Восточного факультета Санкт-Петербургского университета. Санкт-Петербург, Россия.

nyakokos@gmail.com

Сизова Алла Алексеевна

Младший научный сотрудник Отдела рукописей и документов Института восточных рукописей РАН. Санкт-Петербург, Россия.

al.la.sizova@yandex.ru

Скрынникова Татьяна Дмитриевна

Доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом Центральной и Южной Азии Института восточных рукописей РАН. Санкт-Петербург, Россия.

skryta999@mail.ru

Трегубова Динара Дмитриевна

Кандидат исторических наук, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук. Москва, Россия.

inionran@mail.ru

Туранская Анна Александровна

Кандидат филологических наук, младший научный сотрудник отдела Центральной и Южной Азии Института восточных рукописей РАН. Санкт-Петербург, Россия.

turanskaya@mail.ru

Цеденова Светлана Николаевна

Кандидат филологических наук, доцент. Зав. кафедрой калмыцкой литературы и журналистики ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б.Городовикова».

gerelma_777@mail.ru

Юсупова Татьяна Ивановна

Доктор исторических наук, Санкт-Петербургский Филиал института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН.

ti-yusupova@mail.ru

Ямпольская Наталия Васильевна

Ph.D., младший научный сотрудник отдела Центральной и Южной Азии Института восточных рукописей РАН. Санкт-Петербург, Россия.

nataliyampolskaya@yandex.ru

Яхонтова Наталия Сергеевна

Кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела Центральной и Южной Азии Института восточных рукописей РАН. Санкт-Петербург, Россия.

nyakhontova@mail.ru